

4. Там же, С. 5.
5. Фролов Н. К., Карабулатова И. С. Украинский компонент в ономастическом пространстве Тюменского Пообья // Наукові записки. Серія: філологічні науки (мовознавство). Випуск 37. Кіровоград, 2001. С. 75-79.
6. Библия. Первое Послание к коринфянам Святого апостола Павла. М.: Изд-во Московской патриархии, 1993. С. 268..
7. Карелина Л. Ф. К вопросу о русско-украинском двуязычии в Тюменской области (лингвистический и социолингвистический аспекты) // Изучение родного языка в полиэтнической Тюменской области: Мат. обл. науч. конф. «Межэтническая ситуация в Тюменской области и перспективы изучения русского языка». Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. С. 140-144.
8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. С. 10.
9. Там же. С. 324-326.

Алена Владимировна ПАШИНА —
аспирант кафедры общего языкознания

УДК 003:2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛЯ СВОЙ И ЧУЖОЙ В СКАЗАХ И. ЕРМАКОВА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию особенностей репрезентации концептуальных полей *свой* и *чужой* в сказках И. М. Ермакова, анализу их роли в построении авторской концептосферы.

The article is devoted to the particularities of representation of concepts fields ours and yours in the stories of I. M. Ermakov, and to the analysis of their part in construction of author's conceptosphere.

Сказ как особая форма несобственно-личного повествования предполагает обращение к разговорной стихии языка, наиболее полно выражающей наивную картину мира, единицей описания которой является концепт [1]. Особенности мировоззрения, отраженного в сказках, во многом обусловлены его фольклорными истоками. На наш взгляд, оппозиция *свой-чужой* как универсальная категория архаического мышления является ядром концептуальных полей, структурирующих концептосферу сказов И. М. Ермакова.

Членение универсума на бинарные оппозиции, в том числе и на два мира — «свой» и «чужой» является одним из фундаментальных семиотических принципов [2]. По мнению В. Н. Топорова, эта оппозиция — частный случай общего бинарного принципа построения мифологической модели мира. Ученый выделяет ряд универсальных оппозиций, определяющих пространственные, временные, социальные и т. п. характеристики: верх-низ, черное-белое, левое-правое, чет-нечет и т. д. [3]. Этимологические исследования вскрывают архетипические связи эмоциональной сферы с областью «своего». Э. Бенвенист приводит интересные данные об индоевропейском прилагательном, восстанавливаемом как *rǵiyoс, из которого развилось др. - русск. *прияю* и имя деятеля *приятель*. Суммируя имеющиеся сведения, он делает вывод о том, что индоевроп. корень *rǵiyoс имел значение личной принадлежности, подразумевающее не юридическое, а аффективное отношение к «себе», и всегда способное принять эмоциональную окраску, так что в зависимости от обстоятельств оно обозначает то «(свой) собственный», то «милый, дорогой, любимый» [4].

А. Б. Пеньковский выдвигает предположение о существовании семантической категории «чуждости», которая «должна сопрягаться с категорией отрица-

тельной оценки («чужое» — плохое) и иметь специальные средства языкового выражения. В архаической модели мира противопоставление «своего» и «чужого» интерпретируется также и в аксиологическом плане — в виде оппозиции «хороший — плохой» с отрицательной оценкой всего, что принадлежит «чужому» миру. А. Б. Пеньковский отмечает общую для всех славянских языков специфику семантической структуры производных, образующих лексические гнезда с корнем *чуж-* / *чужд-*, которые представляют комплекс взаимосвязанных значений: «чужой» > «чуждый» > «враждебный» > «плохой» [5].

Ю. С. Степанов считает, что именно противопоставление «свой» - «чужой» — один из главных концептов всякого массового, народного, национального мироощущения [6]. На наш взгляд, при анализе художественного текста правомерно говорить о концептуальных полях *свой* и *чужой*. Под концептуальным полем мы понимаем совокупность нескольких концептов, объединенных общим, более широким концептуальным понятием. Полевая структура позволяет выявить соотношение разнородных единиц теста, определить ценностные приоритеты авторской концептосферы.

В сказках И. М. Ермакова концепт *человек* принадлежит ядру концептуального поля *свой*. Его содержание отражает норму, принятую в социуме. Персонажи, не соответствующие этой норме, являются носителями полярных признаков, относящихся к концептуальному полю *чужой*.

На лексическом уровне концептуальное поле *свой* репрезентировано номинатом «свой», местоимениями «наш», «мы». Концептуальное поле *чужой* лексически выражено номинатом «чужой», а также словами «враг», «они». Анализ значений номинатов показывает, что в современном русском языке слова «свой» и «чужой» противопоставлены в двух значениях: по отношению к собственности и по отношению к родственным (духовным) связям [7].

В большинстве случаев местоимение «свой» указывает на родственную связь: «Ревнивое дело — свои. <...> Являются тайно ко внукам и дотошно, придирчиво, ревностно инспектируют *фамильную* пахоту, *фамильные* посевные загонки. «Огрех — наш огрех. — здесь и далее выделено мной — А. П.» [8. С. 365]. Большая часть деминутивов, употребленных в сказках, является терминами родства и характеризует персонажа как «принадлежащего *нашему* роду»: братец, матушка, сынок, невестушка и т. д. Представление о человеке как о члене рода, семьи составляет ближайшую периферию концепта *человек*. Важнейшая черта персонажа сказов — принадлежность к определенной общности людей, которая составляет центр «своего» мира. Мамонт в «Богине в шинели» «преступил заповедь товарищества и ослабел духом»: «Свой он был в пленном *братстве*, заровно муку терпел. А теперь... жизнь не мила парню» [8. С. 40].

Ценностная составляющая той или иной культуры определяет приоритеты в содержании концепта как для целого социума, так и для отдельного индивида. Индивидуальный авторский концепт *человек*, с одной стороны, является частью национальной концептосферы. Авторский концепт *человек* в сказках отражает стереотипы представления о человеке, составляющие основу национальной картины мира, выражаемые языком и зачастую не осознаваемые его носителями. Главными ценностями концептосферы сказов И. М. Ермакова являются понятия «труд» и «родная земля». По отношению к этим ценностям все персонажи сказов делятся на «своих» и «чужих». Бинарная оппозиция «свой» — «чужие» составляет основу восприятия мира архаическим сознанием, аксиологически она интерпретируется инвариантными противопоставлениями «хороший» — «плохой», «добрый» — «злой» и т. д.

Ядро концепта *человек* в сказках И. М. Ермакова включает представление о человеке как об *уникальном живом существе, наделенном душой*. К ядерной

зоне концепта относятся понятия *мастер* (человек-творец) и *солдат* (защитник от врага). Ближайшую периферию сказов образуют представления о человеке как о члене рода, коллектива, класса. «Свои» принадлежат к единой общности, они связаны кровными узами, духовной близостью, общим делом, общей территорией. В концепте *человек* в исследуемых текстах актуализируется архаическое представление о человеке как о части рода, общины, «своего» мира. Дальнюю периферию образуют представления о человеке как о носителе индивидуальных черт

Категории времени и пространства являются универсальными текстообразующими категориями [9]. Концептуальные поля *свой* и *чужой* структурируют пространственно-временной континуум текстов. Принадлежащий концептуальному полю *свой* концепт *родная земля* — один из центральных в концептосфере сказов, что отражает приоритеты русской национальной картины мира [10]. Родная земля, Родина — главная ценность для человека в сказках: он готов защищать свою землю до последней капли крови: «Былинное русское поле! Они цветут сегодня в солдатской памяти, огненные те палестинки, где ронялась, *скапалась с землей его кровь*, где и *жилой, и костью, и потрохом, и оборонным значком* *заслонял он* первозданную свою, до братской могилы необходимую *Родину*» [8. С. 167]. Родина — понятие, объединяющая персонажей сказов в общий род, так как *земля*, в соответствии с фольклорной традицией, в текстах называется *матерью*: «*Все мы сыны полков у своей Родины ... Она и обласкает. Ей и розгу в ладони. Матерью ведь зовем*» [8. С. 105]; «Придет час, не пустобайкой зазвелят в тебе петые-перепетые слова: «*Мать земля моя, Родина*», — присягой зазвелят, и *двум матерям* станет биться твое просветленное сердце < ... > Вот такие *у нас с тобой матери*, голубок! Родимая и *Всемилая*» [8. С. 207].

Сибирь — малая родина рассказчиков и персонажей, объединяющая их в единую семью: «Ты прости, *мать-Сибирь*, что не кажем лица, что спиною к тебе тыщи суток стоим — недостойно бесстрашным *твоим сыновьям* даже малым мгновеньем глаза от врага отвести» [8. С. 289]. В сказе «Стоит меж лесов деревенька» свое и чужое пространство, где похоронены солдаты, связано образом дерева: «Высоки тополя по Сибири растут. Через горы им видно. Через доли им слышно. И недремны их вещие очи» [8. С. 289]. Тополя в приведенном контексте — инвариант древнейшего символа — Мирового древа — центра «своего» мира, связывающего мир мертвых и мир живых [3]. Сибирь — середина «своего» мира персонажей: «Про *наших, сибирских*, ничего не слышно. < ... > Слышно и про *наших*, да вот дело какое... Мы здесь как бы посреди державы живем. До нас любому мазурику далеко вытягиваться. Позвонки порвет. Однако какой бы *краешек русской земли* ни пошевелил враг, где бы посунулся — с сибиряком встречи не миновать. И приветит и отпотчует! Там-то вот, на этих краешках земли, и оставляют сибирские люди о себе памятки» [8. С. 30-31].

Таким образом, сказы И. М. Ермакова отражают архаическое видение мира. Персонажи сказов, оцениваемые рассказчиками положительно, образуют единое множество «своих»: они являются членами единого сообщества (семья, род, воинское подразделение и т. д.) и объединены общей территорией, которую обязаны защищать от врагов.

В текстах сказов «нам», «нашим» противопоставлен враг: «Не возьмешь, лихой и здыморолистой *враг!* Даже гривеннички *у нас* — на ребро!» [8. С. 149].

В русском языке слово «враг» противопоставлено слову «друг» (11 употреблений). В сказках И. М. Ермакова оно употребляется нечасто. В большинстве случаев слово «друг» (товарищ) заменено словом «брат» (27 словоупотреблений): «Спасибо, — шепчет, — товарищи, *братки родимые...*» [8. С. 41] («Богиня в шинели»); «Спасибо, копченый чертушко, *брат ... во брони*» [8. С. 104].

Слова «друг», «товарищ», «брат» составляют синонимический ряд, но различаются оттенками значений. Слова «друг», «товарищ», «брат» обозначают разный уровень близости. По мнению А. Вежбицкой, разнообразие терминологии, обозначающей оттенки отношений между людьми, указывает на важность этой категории в русской языковой картине мира [12]. Интересно отметить, что в сказах И. М. Ермакова практически не употребляются слова «приятель», «знакомый», обозначающие невысокую степень близости. Слово «брат» указывает на самые близкие отношения: оно содержит сему *близкий по духу*, определение «родимый» актуализирует его первое значение, связанное с кровными отношениями. Исследователи отмечают социальный характер русского слова «брат», которое вначале обозначало «мужской член рода», а не было собственно термином родства, т. к. каждый член рода первоначально и был твоим братом. Употребление в русской разговорной речи имен родства по отношению к незнакомым людям (типа сынок, тетка, сестренка и т. д.) иногда рассматривается как отголосок представления о членении общества на возрастные классы, и по этому признаку реконструируется самое понятие целого для имен родства — род и племя [13]. Подобные обращения типичны для персонажей и рассказчиков сказов И. Ермакова: дядя Паша («Богиня в шинели»), дяденька Захар («Стоит меж лесов деревенька») и т. д.

Итак, оппозиция «свой» — «чужой» лексически реализуется с помощью слов «враг» (вражеский, вражий) и «брат» (братский, братний): «*Вражья кровь простой водой отмывается, а братнюю вовек ничем не смыть*» [8. С. 13].

В сказах понятие «враг» объективировано названиями наций и классов: белогвардейцы, немцы (фашисты), капиталисты. Оппозиция «свои» — «чужие» как противопоставление защитников *своей* земли и ее захватчиков заявлена парами, обозначающими национальность: русские — японцы, русские — немцы (фашисты). При номинации врагов автор часто использует пейоративы, наиболее частотный из которых — «людоед», употребляемый по отношению к белогвардейцам и капиталистам: «*Уж что-что, а калмыковская контрразведка нам известна была. Людоеды, изверги да кровавые алкоголики туда шли*» [8. С. 22].

По отношению к труду, его результатам персонажи разделены на пролетариев и капиталистов. В сказе «Костя-египтянин», описывающем времена «холодной войны», эта оппозиция лексически выражена местоимениями *мы* — *они*: «*Неужто выдадите, товарищ майор? Им?... — похолодевши, спросил Костенька*» [8; 104]; «*Что же они!... Слепли? Не видят, что ли?*» [8. С. 67]. Как *чужие* воспринимаются персонажами понятия, связанные с капиталистическим строем: «*Не все было понятно парням в комендантском рассказе. «Акции», «концессии» — все это неживое для них, чужое, далекое*» [8. С. 104]. В сказе «Аврорин табачок» порох с Авроры — волшебное средство для различения «своих» и «чужих»: «*Японец, сказывают, понюхал — харакирю себе сделал. Американцу, тому на язык будто бы сдейтсвовало, заикаться стал*» [8. С. 28].

Основателем нового «своего» мира — единого мира рабочих людей («пролетарьев») в сказах мыслится Ленин. Неслучайно в сказе «Ленинское бревнышко» мифологизированный образ Владимира Ильича сравнивается с традиционным для христианского мировоззрения идеалом человека — Христом: «*Он другого сорта спаситель: «Пролетарьи, значит, соединяйтесь» и ... своею собственной рукой, то есть. Сами себе спасители. И суд сделаем, и рай сотворим. Его на небо не вознесешь — он землю любил. Видишь, за бревно ухватился, строиться на ней хочет*» [8. С. 181]. В приведенном выше отрывке заявлена сквозная идея сказов: *объединимся и сотворим свой рай своими руками*.

С категорией «свои — чужие» соотносится категория «живое — неживое». «Американский зять» в сказе «Костя-египтянин» носит в чемодане человечес-

кий череп. Сами враги часто воспринимаются как неживые: «Двум чистокровным немцам железные горла вставить пришлось» [8. С. 33]: «И упаси тебя бог, *германская бритва*, чтобы меня опять затревожило!» [8. С. 73]; «Тогда действительно < ... > посочувствовала *трубка*» [8. С. 97]; «За славой едет, *немецкая колбаса...*» [8. С. 8].

Персонажи сказов противопоставлены по внешнему описанию. Здесь противопоставление «свой» — «чужой» выражено оппозициями «прекрасное» — «безобразное», «светлое» — «темное», «духовное» — «плотское», «высокое» — «низкое». Внешняя характеристика положительных персонажей имеет традиционные фольклорные корни. В портрете положительного героя акцент делается на описание лица, глаз: Федя Шкет в «Аврорином табачке»: «Глаза что два родничка, ясной-ясной *синью* напитаны. Нос как у синички — аккуратненький» [8. С. 20]; Мамонт в «Богине в шинели»: «Сам *глазами* улыбается чуть. *Голубые* они, доброты в них не вычерпать» [8. С. 35]; Костя в «Косте-египтянине»: «Проморгнул пару раз *голубыми глазами* — еще больше в себе разыскал» [8. С. 106]. Подобное описание соответствует славянской фольклорной традиции: персонажи фольклорных текстов всегда ясноглазы (голубоглазы), русоволосы, что соответствует национальному стандарту, отличает «своих» от «чужих» [14]. В европейской, славянской культуре, в том числе и в византийской иконописной традиции, глаза — зеркало души, символ духовной жизни человека. Герои сказов в минуты сильных душевных переживаний плачут: «У бойцов-украинцев от первых же звонышков высекло слезы, не выдюжили и некоторые сибиряки. Слеза — ей только дорожку наметить...» [8. С. 153]. Именно слезы, по мнению рассказчика, возвестили бы об оживлении мраморной богини: «... размечутся волосы, задохнется она счастьем своим несказанным, и засверкают, заискрятся на мраморе звездочки *живых слез...*» [8. С. 40].

При описании отрицательных персонажей подчеркивается их тучность, акцент делается на рот, полные губы, олицетворяющие плотское начало в человеке: таков Карл в «Богине в шинели»: «Роста коротенького, *толстый*, шею с головой не разметишь — сравняло *жиром*. Усишки врастреп, чахленькие, ушки что два *пельмешка* свернулись, зато уж *рот* — государь — наприметку. Улыбнется — меряй четвертью» [8. С. 33]. Следует заметить, что полное, жирное тело в русской языковой традиции воспринимается как отрицательное явление [15]; Заготскот в «Косте-египтянине»: «По соседству с танкистским застольем директор местной конторы Заготскоткорм *чрева* услаждал. Хмыкал он, хмыкал *пупку* своему, а потом плеснул еще на «каменку» и произрек...» [8. С. 122].

Противопоставление телесного, плотского, «низкого» и духовного, «высокого» наиболее ярко представлено в сказе «Богиня в шинели». Обнаженная мраморная богиня воспринимается героем сказа как идеал высокой, чистой красоты: «Посреди крови, грязи, мук и позора, посреди каждодневного людского зверства и дикости — она! Она — как росное утречко, как *белая лебедушка*, *чистая, нежная, не от мира сего явленная* глазам его открылась» [8. С. 40]. Целомудренная нагота мраморной девушки-богини противопоставлена вульгарной наготе «немецких овчарок»: «Выходит из спаленки «овчарочка» одна кучерявенькая — *губки под розу, коготки под стручковый перец* выкрашены, а одежонкиа на ней — туфельки мягонькие да ремень с пистолетом на *пупке...* И *плечами-то* потрясет, и *задом* повосьмерит, и *ногу-то* стрелой выставит. Одна *грудь* портупеей перетянута, другая вольно болтается» [8. С. 45].

При описании положительного персонажа особое внимание рассказчик уделяет рукам, что подтверждает тезис о том, что ядро концепта человек составляет понятие «мастер». В сказе-очерке «И был на селе праздник» автор-

рассказчик описывает руки героя-комбайнера: «*Ручища! Рука!!* Вот она где, биография. Лежит на колене... Такой инструментище, что если его приподнять и резко затем опустить, скажем, на наковальню — наковальня, ей-богу, должна зазвенеть...» [8. С. 374]. Плотник Мокеич в «Соколовой бригаде» дает такое описание человека: «*Два глаза, две руки да десять пальцев человеку дадено, а если к этому еще и мастерство — другой вечно у людей в памяти останется*» [8. С. 165].

Рассказчики широко используют прием русской былины — гиперболу. Герой в сказе «Богиня в шинели» назван богатырем, что подтверждается и его портретной характеристикой: «Стоит этот Мамонт головы на полторы других повыше, в грудях этак с царь-колокол детинушка, рыжий-прерыжий и конопатый, как тетерино яичко. ... Голос у парня тугой, просторный такой басина. Говорит вроде спокойненько, а земля гул дает» [8. С. 35]. Сила сибирских богатырей не агрессивна, рассказчик подчеркивает их добродушие, даже стеснительность: «Оттого и немногоречив — лишний раз улыбнется лучше. Силушка изо всех швов выпирает» [8. С. 95].

В противопоставлении «своих» и «чужих», соответствующих в аксиологическом плане противопоставлению «хороших» и «плохих», «добрых» и «злых», особое значение приобретает в сказах цветовая символика, что соответствует славянской фольклорной традиции [14]. Доминирующие цвета в описании положительных персонажей — белый, голубой: «И весь он, Стратоныч, *белый*. Иборода, и усы, и брови» [8. С. 286]. Лесник Берестышко также описывается в светлой гамме: «Шаровары на нем из *белого* льняного полотна, такая же гимнастерка, ремешком подпоясанная <... > Идет он по *белоствольному* раздолью, и не враз ты его от берез отличишь» [8. С. 203]. Белый цвет в русской культуре связан с солнечным светом, со всем святым, светлым, добрым, с другой стороны, он символизирует потусторонний мир [16]. Описания летописца и лесника вызывают ассоциации со святыми старцами, почитаемыми на Руси. Белый цвет выделяет персонаж, одновременно указывает на его связь с другим миром: Стратоныч, ведущий летопись села, связан с миром памяти — миром вечного. В сказе «Память» рассказчик высоким слогом рисует символический образ павших солдат: «Ни любим табаком, ни наполненной чарой вина не воззвать, не поднять их из братской могилы. Обнялись там *высокие, светлые*, онемели, слеглись, как ложатся в горнила штыки, им звание — России Старшины Бессмертные» [8. С. 154]. Единичные упоминания темного, черного, традиционно противопоставляемого белому, связаны с описанием отрицательных персонажей: на лице браконьера Фильки «*темное* провалище», «зоркий у Фильки *глаз — не заслезится*, тяжелая у Фильки рука — не дрогнет, *черное* у Фильки ружье — не покраснеет» [8. С. 223].

На наш взгляд, яркая, карнавальная одежда персонажа указывает на то, что он находится в пограничной стадии, стадии «превращения»: на протяжении сказа он усваивает ценности социума, «исправляется», «перерождается».

На наш взгляд, в сказах сибирского писателя возрождается «древнерусская двоица»: святой и богатырь, символы воплощения совести и чести, духовно-идеальное порождение души и тела: духовность святости и твердость богатырской воли» [17].

Зоометафора — один из видов оценочной номинации человека. Она приобретает окраску тех ценностей, которые приняты в мире людей. Оценочная коннотация зоометафор, как правило, возникает за счет традиционно сложившихся в данной культуре ассоциаций, на основе наблюдений за поведением животных. При сравнении человека с животным возникает чаще всего отрицательная оцен-

ка [18]. В сказе «Костя-египтянин» волком назван американец: «Волк волка учит, акула с акулой роднятся» [8. С. 104]; «Там, акула! Там вол-ча-ра... Кус египтяне из пасти вырвали!» [8. С. 120]. В этом контексте зоометафора содержит отрицательную коннотацию, выраженную на словообразовательном уровне пейоративным суффиксом. Слово «волк» употреблено в одном ряду со словом «акула», общая сема *хищник* актуализируется в контексте словами «кус», «пасть», «вырвали». На наш взгляд, в этом тексте зоометафора подчеркивает контраст между положительным и отрицательным героем: «английский зять», («волк», «акула») противопоставлен Константину Гуселетову, чей образ связан с зайцем: «Заяц — он тоже... На одних полях с тобой вырос. Живой глазок Родины <... > Он выдохнул, ты вдохнул» [8. С. 109]. Герой и антигерой контекстуально противопоставлены на уровне пары *хищник-жертва*: «И еще сторожит ухо тоскливое слово — «жертва»; «Кондрат твоя жертва, я твоя жертва, а теперь — Египет. Народ целый!» [8. С. 120].

Зоометафора употребляется по отношению к людям, потерявшим статус человека, отказавшимся от ценностей «своего» мира. В сказе «Богиня в шинели» Мамонт становится «немецкой мурочкой», «сибирским котом». В сказе «Ленинское бревнышко» персонаж переосмысливает библейскую метафору о Христе-пастыре и его пастве: «Христос нас не человеками — овцами назвал, а овец стричь надо. ... Он нас в судный день делить собрался: на овец, мол, и козлищ... а мы поделились уж. На овец и волков поделились» [8. С. 180]. Овца (библейский символ смирения, кротости) в монологе персонажа — подневольный скот, жертва хищника-волка.

Концептуальное поле *чужой* актуализировано словами «волк», «акула». «Чужие» в сказах номинируются как хищники. К концептуальному полю *свой* относятся названия животных, связанных с положительными персонажами: заяц, медведь («Костя-египтянин»), лось («Голубая стрекозка»), кот, мамонт («Богиня в шинели»), олень, собака («О чем шептал олененок»). Все эти животные хищниками не являются. Интересно отметить, отношениями хищник-жертва связаны только волк — заяц («Костя-египтянин») и волк — овца (Ленинское бревнышко). Неслучайно слово «жертва» в сказе «Костя-египтянин» имеет эпитет «тоскливое». На наш взгляд, положительные персонажи в сказах позиционируются как «не хищники», на уровне зоометафоры оппозиция «свой» — «чужие» представлена парой «хищники» — «не хищники».

Важнейшим атрибутом «своих» в сказах является душа. По представлению персонажей, душа располагается в груди, она может покидать тело: «Возвысилась, взреяла грудь, заселили ее сокола и орлы медногласные, закогтились в душу мою и высоко, высоко, и чутко, и зорко понесли ее над большим и великим понятием — Родина» [8. С. 153]; «До оголенных чувств моих все добирался. Каковы они, неподмесно-пронзительные, в служебно-житейских победах и передрыгах. Подай ему их в первородстве и свежести. Хе, парень. Сам оголяйся, если сумеешь. Душа не карман — не выворишь. Не побренчишь мелочью» («Сказание о Реке и Капитане») [8. С. 345].

При описании «чужих» слово «душа» не упоминается. В сказе «Голубая стрекозка» у браконьера Фильки в сердце живет «жаба»: «Эта... хвороба. Жаба опять в грудях ожила. За самое сердце кусила... присмыкающая» [8. С. 23] «Жаба» опять у него заворошилась: «чуется сырость, присмыкающаяся» [8. С. 236]. У немца в сказе «Богиня в шинели» сердце постоянно задыхается: «Пробовай сорей! Сердца задохся» [8. С. 41].

Таким образом, концептуальные поля *свой* и *чужой*, основой которых выступает универсальная бинарная оппозиция, структурируют концептосферу сказов И. М. Ермакова. Опыт XX столетия осмысливается рассказчиками с точки

зрения архаичных категорий. Содержание концепта *человек* в сказках выражает представление о социальной норме, принятой в русской культуре. Персонажи четко противопоставлены по отношению к ценностям, характеризующим русскую языковую картину мира. Для персонажей, позиционируемых как «свой», *род (семья), община, труд, родная земля* являются сакральными понятиями. Неприятие этих ценностей характеризует персонажей как изгоев, представителей чужого, враждебного мира.

На уровне зоометафоры концептуальные поля *свой* и *чужой* актуализированы парами *жертва-хищник* и *не хищник — хищник*. Контекстуально это противопоставление связано с парой *человек — людоед*. На лексическом уровне концептуальные поля *свой* и *чужой* актуализированы оппозициями «брат» — «враг», «пролетарии» — «капиталисты», «мы» — «они», «наши» — «чужие». Лексические доминанты описания внешности положительных героев (глаза, улыбка, слезы, белый цвет) связаны с символикой «верха», «духовного начала»; описание отрицательных персонажей связаны с символикой «низа», «плотского начала» (рот, толстое брюхо и т. д.). В описаниях персонажей оппозиция «свой» — «чужой» представлена оппозициями «прекрасное» — «безобразное», «светлое» — «темное», «духовное» — «плотское», «высокое» — «низкое», традиционно интерпретируемыми в русской культуре как противопоставление «хорошее» — «плохое», «доброе» — «злое». Оппозиция «свой» — «чужой» является универсальным бинарным кодом культуры, его использование позволяет исследовать особенности авторского мировоззрения, связать индивидуальный концепт с национальной концептосферой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Гл. ред. Апресян Ю. Д. Вып. 1. М., 1997. С. 5.
2. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1999. С. 506.
3. Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988. С. 452.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1979. С. 69.
5. Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М., 2004. С. 5-13.
6. Степанов Ю. С. Константы: словарь концептов русской культуры. М., 1999. С. 126.
7. Словарь современного русского литературного языка. Т. 13. М., 1962. С. 434; Словарь русского языка. Т. 4. М., 1967. С. 365; Большой толковый словарь русского языка. М., 1998. С. 1162.
8. Ермаков И. М. Учите меня, кузнецы! Екатеринбург, 1984.
9. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 87
10. Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004. С. 755
11. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1985. С. 104-105.
12. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. С. 35.
13. Журинская М. А. О выражении значения неотторжимости в русском языке // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979. С. 295-347.
14. Супаленко Н. И. Сопоставление портретов человека в трех культурных ареалах: славянском, ближневосточном и дальневосточном // Логический анализ языка. Язык эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004. С. 458.
15. Урынсон Е. В. Эстетическая оценка тела в русском языке // Логический анализ языка. Язык эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004. С. 471.
16. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. С. 147-148.
17. Колесов В. В. Слово и дело. СПб., 2004. С. 602.
18. Миронова И. В. Зоометафора в свете антропоцентричности языка (на материале английской лексики) // Методические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 149.